

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1987
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

40. Wüstenfeld. Там же.
41. Abdallah Yusuf. Die Personennamen in al-Hamdani's al-Iklil und ihre Parallelen in den altsüdarabischen Inschriften. Tübingen, 1975, с. 12-13.
42. Ал-Хамдани. Ук.соч., с. 17, 24.
43. Al-Hamdani. Geographie der arabischen Halbinsel, с. 87.
44. Caskel. Ук.соч., с. 101.
45. Ал-Хамдани. Ук.соч., с. 24.
46. Там же; с. 27.
47. Там же, с. 38.
48. Там же, с. 28.
49. Там же, с. 39.
50. В.В.Наумкин, В.Я.Порхомовский. Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., 1981, с. 11.
51. Caskel. Ук.соч., с. 337. Wüstenfeld. Там же.
52. В.В.Наумкин, В.Я.Порхомовский. Там же. Это слово имеет значение "черный". В махри ему соответствует hōwer, в шхаури - hor/Leslau W. Lexique soqotri. Paris, 1938/.
53. Ал-Хамдани. Ук.соч., с. 15.
54. Там же, с. 17, 20, 23, 27, 28, 37.
55. Al-Hamdani. Ук.соч., с. 134.
56. Ал-Хамдани. Ук.соч., с. 41.
57. Al-Hamdani. Ук.соч., с. 85, 87.
58. Аш-Шатири. Адвар ат-та'рих ал-хадрами. Ат-Таб'а ас-санийа. Дждда, 1983, с. 359. Сейчас садаф признают с обычным, а не с эмфатическим "с". По сообщению М.А.Родионова, в ходе работ СОИКС в 1984 г. было установлено, что ал садаф обитает в селе-нии ар-Рибат на юге вадии ал-Айман (приток вадии Дау'ан) и сос-тоит из подразделений ба сандух и ал-ба 'ашан.
Согласно ал-Хамдани, в IX-X вв. два садафитских подразделе-ния - ас-сумайрат и ал-асилат - входили в состав сайбана, сох-раняя при этом свое родословие (Ал-Хамдани. Ук.соч., с. 24-25).

З.Я.Ханин

О РАЗЛИЧИЯХ И ОБЩНОСТИ ДИСКРИМИНИРУЕМЫХ МЕНЬШИНСТВ БУРЖУАЗНОЙ ЯПОНИИ

Один из наиболее излюбленных и ведущих тезисов официальной пропаганды Японии сводится к утверждению о том, что японское об-щество якобы неизменно отличалось и все еще отличается от любого

иного своим уникальным социально-политическим и национальным единством, что в нем, в частности, не было и нет расового, национального или религиозного антагонизма, каких-либо дискриминируемых меньшинств. Однако в действительности это не так. Японии, естественно, присущи все противоречия и проблемы, характерные для классово антагонистической структуры организации общества, в том числе и противоречия, определяемые сегрегацией и дискриминацией многих групп ее населения.

Сегрегации и дискриминации в современной Японии подвергаются разные группы, насчитывающие в целом не менее пяти миллионов человек, то есть весьма значительная часть ее населения. Это в первую очередь около трех миллионов так называемых буракуминов (жителей особых поселений - бураку - и выходцев из них), а также почти 700 тысяч японских корейцев, более миллиона жителей островов Рюкю и не менее 50 тысяч аборигенов северных районов Японии - айну. Эти дискриминируемые группы существенно различаются между собой своими историческими судьбами, особенностями действия механизма их социального отчуждения, реального положения и т.д. Однако вместе с тем между ними имеется и много принципиально схожего, что объединяет их в качественно единое явление японского буржуазного общества - в дискриминируемое меньшинство страны, ставит перед ними значительные общие цели и создает базу для их совместной борьбы за подлинное равноправие.

Не вдаваясь здесь в детали истории буракуминов,¹ отмечу лишь, что возникновение далеких предшественников данных групп париев связано с процессом социального размежевания японского общества еще в глубокой древности, что их представители и сами буракумины по преимуществу никогда не отличались и не отличаются от остальных японцев ни в расовом, ни в национальном отношении, ни языком, ни культурой, ни обычаями и что их дискриминация осуществлялась главным образом на сословной основе и была закреплена в средние века синтоистскими представлениями об осквернении грязью крови и смерти и буддистскими о недопущении кровопролития.

Проблемы дискриминации корейцев в Японии берут свое начало в политике японских империалистических кругов, по инициативе которых в 20-40-х годах XX века в страну были насильно ввезены в качестве дешевой рабочей силы сотни тысяч жителей Корейского полуострова. Они были поставлены в Японии в крайне приниженное по сравнению с остальным населением положение и даже в наши дни все еще подвергаются в разных сферах жизни общества жестокой дискриминации, основанной главным образом на национальных различиях.

Так, из 700 тысяч японских корейцев официальное право на постоянное проживание в Японии имеют только 344 тысячи человек, остальные же лишены даже формальных конституционных гарантий на жилье, работу, образование и социальное обеспечение. Многочисленные общегосударственные, местные и министерские регламентации резко ограничивают права и возможности всех неяпонцев (то есть в основном корейцев), даже граждан Японии, в самых разных сферах деятельности и в продвижении по служебной лестнице. Например, один из подобных государственных актов констатирует, что "неяпонцы не могут занимать в стране любые должности в органах власти, участвовать в их формировании, а также в выработке общенациональных политических принципов и мер". Поскольку соответствующие предписания обычно никак не конкретизируются, это дает японским чиновникам возможность произвольно толковать их и широко использовать для всяческого притеснения корейцев. Такая ситуация и давние социальные традиции исключают для корейцев возможность, например, стать дипломатами, адвокатами, юристами, учителями средних школ, университетскими профессорами, лоцманами, работать в атомной энергетике и машиностроении и т.д. Корейцев все еще неохотно берут на работу на крупные государственные и частные предприятия, где обычно выше уровень заработной платы и социального страхования.

Корейцы в Японии официально ограничены в праве получения кредитов из банков, а также в сфере действия большинства систем социального страхования (по болезни, безработице, смерти кормильца и старости). Они практически лишены права на создание своих театров художественных коллективов, возможности по-настоящему осваивать историю, культуру и даже язык своего народа. Их, как и буракуминов, презирают, считают людьми генетически порочными, ленивыми и нечистоплотными. В результате всесторонней дискриминации, основанной на национальных предрассудках, корейцы в Японии вынуждены, как и буракумины, жить в обособленных от остального общества поселениях. Их нанимают только на мелкие и средние, технически отсталые предприятия и в основном на неквалифицированные и низкооплачиваемые виды работ. В их среде в целом более низкий уровень жизни, образования и культуры.

Ряд примеров такого рода можно было бы значительно расширить. Но и сказанное, очевидно, дает общее представление о характере и масштабах дискриминации корейцев, которая является еще одним явным и грубым нарушением Всеобщей декларации прав человека, подписанной и ратифицированной японским правительством.

Специфичность дискриминации жителей Рокю в Японии заключает-

ся в ее по преимуществу колониальном характере. Острова Рюкю стали колонией Японии еще в 1609 году и только в 1879 году получили статус японской территории, особой префектуры. Но это не сделало жителей островов полноправными гражданами японского буржуазного государства. Их дискриминация и сегрегация в значительной степени стимулировалась и "оправдывалась" тем, что по антропологическому типу, а также по социальным традициям, обычаям и языку рюкюсцы в известной степени отличаются от остальных японцев. Правда, с конца XIX века культурные различия между ними постепенно сглаживаются.

До 1945 года все важнейшие должности в политической, экономической и культурной сферах на островах занимали ставленники и представители центральных японских властей. О принижении рюкюсцев весьма красноречиво говорит и тот факт, что до 1945 года на островах Рюкю не было ни одной средней школы и своего университета, что вело к неуклонному росту разрыва в уровнях образования и практических возможностей жителей Рюкю и метрополии.

В 1972 г., после 27 лет оккупации американскими войсками, острова Рюкю вновь перешли под административный контроль Японии. Однако и в наши дни они остаются самыми отсталыми районами страны, ее продовольственно-сырьевым придатком. Уровень жизни, образования, культуры и социальных гарантий рюкюсцев по-прежнему более низкий, чем у остальных японцев, что определяет, в частности, их стремление к эмиграции. На протяжении XX века с островов уехало около трети их жителей, то есть более 300 тысяч человек, в основном на Филиппины, Гавай, в Южную Америку и собственно Японию. И как это ни парадоксально, по-особому сложно и трудно судьба рюкюсцев обычно складывается именно на Японских островах, где они неизбежно сталкиваются с проблемами традиционной, официально поддерживаемой дискриминации при найме на работу, в сферах учебы, культуры, общественной жизни, социальных контактов и.д. В народе все еще распространено предубежденное представление о их умственной и нравственной неполноценности. Не удивительно, что выходцы с Рюкю, как правило, по-прежнему вынуждены селиться изолированно от остальных японцев (их поселения имеются, в частности, в Токио, Кобэ, Осака и Китакусэ). То есть рюкюсцы все еще подвергаются различным формам жестокой дискриминации как у себя на островах, так и в "основной" Японии.

Кроме отмеченных типов, в Японии имеется и расовая дискриминация. Ей подвергаются айну, коренные жители северных областей страны. В истории и характере взаимоотношений японцев и айну есть много общего и схожего с процессом покорения белыми колонизаторами североамериканских индейцев. На протяжении столетий айну подвергались

нападениям со стороны своих агрессивных южных соседей, которые постепенно лишали их лучших земель. В 1869 году все владения айну, их леса, реки, озера и охотничьи угодья, были провозглашены территорией Японии. Однако на протяжении долгого времени японские власти по существу не предпринимали серьезных усилий, направленных на приобщение айну к процессу быстрого и всестороннего развития буржуазной Японии. Правда, остров Хоккайдо, в отличие от островов Рюкю, заселенный японцами, осваивался и развивался на протяжении XIX века довольно быстрыми темпами. Но поселения айну оставались и до сих пор остаются крайне отсталыми в экономическом и культурном отношении районами страны, а сами айну все еще воспринимаются японцами как неполноценные люди и подвергаются сегрегации и дискриминации во всех сферах общественной жизни. Достаточно отметить, что их представителей до сих пор нет не только в центральных, но даже и в местных органах власти.

Несмотря на отмеченные здесь лишь некоторые, правда, существенные различия в истоках формирования, исторических судьбах, особенностях проявления дискриминации и положения, у всех рассмотренных групп населения Японии, то есть у буракуминов, корейцев, рюкюцев и айну, есть и много принципиально общего. Все они по сути остаются париями, изгоями современного японского буржуазного общества. Причем формы проявления и последствия их дискриминации в значительной степени схожи или идентичны. Они лишены равных прав и возможностей в сферах экономики, политики, культуры и образования. Поэтому для всех этих групп в целом характерны более низкий уровень материальной обеспеченности, культуры, образования, социальных гарантий. Их представители воспринимаются сквозь призму схожих отрицательных стереотипов. Все это и создает определенную базу для взаимопонимания и единства их действий в борьбе за гарантии равноправия в условиях капитализма.

Вместе с тем указанные группы дискриминируемых становятся все более сложным и противоречивым явлением японского буржуазного общества, и их борьба постепенно приобретает во многом новую социально-политическую направленность. Неуклонно усиливающаяся в их среде социальное расслоение ведет к нарастанию тенденции классового единства трудящихся групп париев с трудящимися всей страны в их борьбе за существенные качественные преобразования в масштабах всего японского буржуазного общества на более справедливой социально-политической основе.

I. По этому поводу см., например, следующие работы автора: "Социальные группы японских париев". М., 1973; "Парии в японском обществе", М., 1980.